ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Патрушев Сергей Викторович,

*кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
зав. отделом сравнительных политических исследований,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
профессор, Всероссийская академия внешней торговли,
Москва.*

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Айвазова Светлана Григорьевна,

*доктор политических наук, главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва.*

E-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

Кертман Григорий Львович,

*кандидат исторических наук, ведущий специалист,
Фонд «Общественное мнение» (ФОМ),
старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва.*

E-mail: kertman@list.ru

Кучинов Артемий Михайлович,

*ассистент, кафедра философии, социологии и политологии,
НИУ «МЭИ» им. Г. С. Арефьевой,
Москва.*

E-mail: arkuchinov@yandex.ru

¹ Выполнено в рамках проекта ИС ФНИСЦ РАН «Конституирование политического пространства в России: институциональный анализ» (руководитель – С. В. Патрушев).

Мирясова Ольга Александровна,

научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: verdikt.o@gmail.com

Недяк Ирина Леонидовна,

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: iraned@mail.ru

Павлова Тамара Владимировна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: tamarapavlova@mail.ru

Панов Любомир Геннадьевич,

ассоциированный научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва.

E-mail: panovlyubomir@gmail.com

Филиппова Людмила Евгеньевна,

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва.

E-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Аннотация. В статье представлены подходы, гипотезы и некоторые результаты исследования проблемы формирования политического пространства в России, содержательно связанной с вопросом о политике современного типа как конкуренции проектов и решений, ориентированных на общее благо. Конституирование политического пространства предполагает процессы институционализации и политизации, публичное обсуждение альтернативных способов решения общественно значимых проблем, поли-

тический характер принимаемых государством решений, расширение возможностей deliberации и влияния людей на ключевые аспекты социального бытия. Используются институциональный анализ, выявляющий совокупность правил (институциональную среду) процессов формирования политики, и социологический анализ, показывающий отношение к ним граждан и влияние правил на поведение акторов. Оптика неоклассиков-республиканцев позволяет оценить потенциал неоклассической модели политического порядка, deliberативный подход – верифицировать гипотезу относительно предпосылок реализации принципов deliberативной модели политики. При анализе используются данные общероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в июне 2018 года. Показано, что для большинства россиян политика – сфера, в которой преследуются личные цели и согласуются групповые (кликовые) интересы. Неполитическая и деформализованная «зона власти» закрепляет преобладающее восприятие политики как деполитизированного администрирования и потому является наиболее мощным ограничением для формирования современной политики.

Ключевые слова: акторы, институционализация, правила, политика, политизация, политическое пространство, зона власти, deliberация, республиканизм.

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF THE POLITICAL SPACE IN RUSSIA: PRELIMINARY RESEARCH RESULTS

Patrushev Sergey Viktorovich,

*Ph. D. (Hist.), associate professor, leading researcher,
Head of Department of Comparative Political Studies,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Professor RFTA,
Moscow, Russia.*

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Aivazova Svetlana Grigorievna,

*Dr. (Politics), Chief Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

E-mail: svetlana-ajvazova@yandex.ru

Kertman Grigory Lvovich,

*Ph. D. (Hist.), Leading Specialist,
Public Opinion Foundation (FOM),
Senior Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

E-mail: kertman@list.ru

Kuchinov Artemy Mikhailovich,

*assistant,
Dept. of philosophy, politology, sociology named after G. S. Aref'eva,
NRU «MPEI»,
Moscow, Russia.*

E-mail: arkuchinov@yandex.ru

Miryasova Olga Alexandrovna,

*Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

E-mail: verdikt.o@gmail.co

Nedyak Irina Leonidovna,

*Dr. (Politics), Leading Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.*

E-mail: iraned@mail.ru

Pavlova Tamara Vladimirovna,

Ph. D. (Hist.), Leading Researcher,

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: tamarapavlova@mail.ru*

Panov Lyubomir Gennadyevich,
*Associate Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: panovlyubomir@gmail.com*

Filippova Lyudmila Evgenievna,
*Ph. D. (Politics), Senior Researcher,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.
E-mail: ludmila_filippova@hotmail.com*

Abstract. The article presents approaches, hypotheses and some results of research of political space formation problem in Russia, substantially related to the question of modern-type politics as a competition of projects and decisions oriented towards the common good. The constitution of political space implies the processes of institutionalization and politicization, public discussion of alternative solutions to socially significant problems, political nature of government decisions, expanding people's ability to deliberate and influence the key aspects of social being. The institutional analysis, identifying a set of rules (institutional environment) of politics formation processes, and sociological analysis, revealing citizens' attitudes towards them and the impact rules have on actors' behavior, are used. Neo-classical republican point of view allows to assess the potential of neo-classical model of political order, deliberative approach provides means to verify the hypothesis concerning the conditions of deliberative politics model's fulfillment. The analysis used data from a nationwide representative survey, conducted by the Department of Comparative Political Studies of the Institute

of Sociology, FCTAS RAS, in June 2018. It is demonstrated, that for majority of Russians, politics is a sphere where personal goals are pursued and group (clique) interests are reconciled. Non-political and deformed "zone of power" reinforces the dominant perception of politics as depoliticized administration and serves, therefore, as the most powerful constraint for the modern politics' formation.

Keywords: actors, institutionalization, rules, politics, politicization, political space, zone of power, deliberation, republicanism.

Важным исследовательским вопросом в изучении проблемы формирования политического пространства является, в силу их содержательной взаимосвязи, существование в России политики современного типа, а в случае её отсутствия – «альтернативных» или квазиподобных ей явлений. Понятие «пространство» может быть в известном смысле соотнесено с термином «порядок», понимаемым как система или упорядоченный способ ведения дел [Панов 2011]. Отсюда возникает ключевая проблема правил, система которых обеспечивает порядок и, строго говоря, им является, как правила создаются и изменяются акторами? Порядок (в целостном древнегреческом смысле *politeia* – *политии*) – это не только институты, правила, но и ценности, «инстинкты», привычки и обычаи [Regime].

Признаки современной политики

В общем виде под политикой современного типа мы понимаем конкуренцию проектов и решений, ориентированных на общее благо, которая реализуется в политическом пространстве – институционализированной публичной сфере политических взаимодействий и политической игры социальных акторов, их сотрудничества и борьбы, протеста и поддержки, конфликта и диалога по значимым проблемам в рамках наличного и альтернативных проектов, целей и стратегических решений для общества.

Политическое пространство как сфера для разворачивания политических практик и условие существования политики не является предзаданным и/или статичным: оно возникает, развивается, трансформируется и деформируется, может разрушаться и исчезать. Конституирование политического пространства предполагает осуществление двух взаимосвязанных процессов – институционализации и политизации. Институционализация означает формирование институциональной среды и институционального порядка – выработку правил и выстраивание организационных структур. Политизация – это процесс, в результате которого акторы, действующие в данной институциональной среде, и результаты их деятельности приобретают политические качества. Опираясь на приведенное выше определение современной политики, мы выделяем в ряду таких качеств конфликтность, универсализм норм, наличие выбора и целеполагание.

Для целей нашего анализа особый интерес представляет подход к пониманию политики, в фокусе которого находится противоречие между институциональными структурами, призванными обеспечивать порядок и консенсус, и конфликтной природой политических отношений. В современной политической науке этот подход наиболее последовательно отстаивает Ш. Муфф. Ключевым для ее концепции является разведение понятий «политическое» (*political*) и «политика» (*politics*): первое отождествляется с «измерением антагонизма, который является неотъемлемой составляющей человеческих отношений, антагонизма, который может принимать множество обликов и проявляться в различных типах социальных отношений», в то время как второе представляет собой «множество практик, дискурсов и институтов, направленных на установление определенного порядка и организацию совместного существования людей в условиях, которые всегда чреваты возникновением конфликтов, поскольку на них воздействует измерение “политического”» [Муфф 2004: 194].

Близким по смыслу является противопоставление «политики» (разногласия и оспаривания действующего порядка вещей) и «полиции» (упорядочивающего принципа,

исключающего «пустоту и добавления») у Ж. Рансьера [Рансьер 2006: 209–210]. Если у Ш. Муффа политика в определенном смысле противостоит политическому, то у Ж. Рансьера политика постоянно стремится уничтожить политику.

По-иному выглядит современная политика с позиций неореспубликанизма, который рассматривается как важнейшее течение постсоциалистической политической мысли [Republicanism... 2008]. Неоклассические республиканцы предлагают, по их утверждению, нейтральное понимание современной политики. Оно альтернативно либеральным и коммунитарным представлениям о политическом, хотя многие исследователи обоснованно называют неореспубликанский подход либеральным, указывая, что течение развивается в русле неолиберальной философии. Неореспубликанцев объединяет политический *lingua franca*: дискурсы общего блага, свободы, гражданственности, политического участия, равенства, гражданской доблести, солидарности. Для них базовые условия и признаки политики – наличие автономной сферы политического; инклюзивный характер режимов гражданства; ориентированность общества и граждан на стратегические общие цели; институциональный порядок, обеспечивающий политическое взаимодействие по правилам игры с ненулевым результатом, соблюдение норм общей реципрокности.

Таким образом, политика не сводится исключительно к властным отношениям и не отождествляется с борьбой за власть. Ключевым аспектом политики является продвижение сценариев и проектов для общества – поиск определения и путей достижения общественного блага.

Для того, чтобы судить о наличии или отсутствии рассмотренных признаков политики в России, мы используем данные общероссийского репрезентативного опроса населения в возрасте 18 лет и старше, проведенного отделом сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в июне 2018 г., объем выборочной совокупности – 700 человек (далее ОСПИ-2018).

Концепции политического пространства

Понимание политического пространства эволюционировало от представления об административно-географической территории, на которой протекает политическая жизнь, к видению политического пространства как разновидности социального, которое складывается ансамблем различных полей, включая «поле власти» – пространство силовых отношений между агентами и институциями [Бурдые 2005: 369].

Существующие концепции можно разделить на нормативные, структурно-агентные, коммуникационные и субстанциональные.

Нормативная концепция описывает политическое пространство, отталкиваясь от сути *политики* как явления, определяемого «немакиавеллистским» образом. По мнению Х. Арендт, политическое пространство имеет место при взаимодействии равных и наличии принципа общего дела (*res publica*) [Арендт 2000: 32–102], что предполагает существование условий и правил определения равных, а также критериев общего дела.

Структурно-агентные концепции рассматривают политическое пространство как институциональную систему или среду, моделируя его как взаимодействие структур и агентности (акторов/агентов). Российский социолог Ю. Л. Качанов считает, что «пространство» – это социологический конструкт [Качанов 2004]. А. Ф. Филиппов полагает, что политическое пространство – это совокупность мест, где происходят политические события [Филиппов 2005].

Коммуникационные концепции рассматривают политическое пространство как коммуникации и/или взаимодействия между акторами, включая символические интеракции [Пушкарева 2012].

Субстанциональные («макиавеллистские») концепции рассматривают политическое пространство в связи с пониманием политики как борьбы за власть, например, как пространство поддержки социальным агентом политического агента [Гришин 2001]. Тогда получается, что политическое пространство иерархически подчиняет социальное. Такой подход может исключать граждан из политического процесса.

Наибольший интерес, в силу эвристического потенциала, представляют неоинституциональный, дискурсивный и агентно-структурный подходы. Последние два подхода в России не получили достаточного развития.

Институциональный подход представлен в России направлением институциональная политология [Институциональная... 2006; Патрушев 2011]. В политической науке выделяют такие группы определений института: 1) политическое установление – комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в политической области (institute); 2) политическое образование или учреждение, организация – определённым образом организованное объединение людей, та или иная политическая структура (institution); 3) устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определённой системе коллективных действий, процедуре, механизме [Институциональная... 2006: 10]. В отличие от классического институционализма, в неоинституционализме на первом плане находятся не институты, а их субъекты [Штомпка 2005: 40]. Э. Остром специально акцентирует внимание на том, что институт представляет собой не просто правила, которые написаны или декларируются, но только исполняемые, *работающие* правила, которые люди используют при принятии решений и на которые участники будут ссылаться, если их попросят объяснить и оправдать свои действия другим участникам; «действующие правила – это такие, которые действительно используются, за соблюдением которых осуществляется мониторинг и которые защищены соответствующими механизмами, когда индивиды выбирают те действия, которые они намерены предпринять...» [Ostrom 2005: 19].

Одним из новых аспектов институционального подхода является анализ так называемой институциональной логики – «системы культурных элементов, которая позволяет индивидам формировать смыслы и оценивать свою повседневную деятельность, а также организовывать ее во времени и пространстве» [Naveman, Gualtieri 2017]. Если исходить из того, что современное общество основано на пяти ключевых

институтах – капитализм, бюрократическое государство, демократия, семья и религия, то логику капитализма, капиталистического рынка усматривают в том, чтобы придать всем объектам и межличностным отношениям свойства товара, сделать их предметом товарно-денежного обмена, логику государства – в установлении правил и иерархии и, в идеале, в подчинении всех действий индивидов строгим схемам, логику демократии – в участии и народном контроле, логику семьи – в подчинении поведения индивидов безусловным обязательствам по отношению к членам семьи, наконец, логику христианства – в организации деятельности индивида вокруг признания существования Бога и необходимости следовать нравственным религиозным предписаниям.

Воплощение логики политики предполагает реорганизацию области принятия общественно значимых решений и возникновение поля специфических политических взаимодействий, продукты которого будут выходить за рамки просто принятия решений. Причем в области принятия общезначимых решений, даже если она не институционализована, могут существовать отдельные элементы политики. Так, в государственном устройстве большинства стран заложены формальные демократические нормы, которые при их воплощении приводят к формированию пространства политики. Они публично декларируются и частично воплощаются, например, в процедурах выборов, институте разделения властей и т.д.

Дискурсивный подход. Исторически дискурсивный подход восходит к учению М. Фуко о дискурсе [Фуко 1996: 49–96]. Из того, что дискурс – некоторый «порядок взаимодействия», очевидна его совместимость со структурно-агентным (изучающим «правила») и институциональным (изучающим «институты») подходами и возможность развития дискурсивно-институционального подхода [Genus 2014; Phillips, Lawrence, Hardy 2004].

Агентно-структурный подход имеет версии, базирующиеся на теориях: практик П. Бурдьё, структуризации Э. Гидденса, коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Наиболее развита линия, продолжающая теорию Гидденса и представленная в основном авторами из Великобритании: теории морфогенеза

М. С. Арчер [Archer 1995; Archer 2004], систем правил Т. Бернса и Е. Флэма [Burns, Flam 1987], практик Н. Мозелиса [Mouzelis 2008]. Политическое пространство представляет одновременно процесс и результат взаимодействия агентов (носителей агентности – т.е. способности менять структуру, в данном случае – акторов) и структуры определённой конфигурации. Гидденс предложил понимание структуры как правил (норм и интерпретационных схем) и ресурсов. Структура включает нормы, соответствующие явлению политики: конкуренция, её неограниченность, гражданство, свобода, недопущение насилия; интерпретационные схемы, позволяющие понимать явление политики: общее благо, доверие, принуждение, конкуренция и др.; достаточные ресурсы.

Дальнейшее продвижение в концептуализации политического пространства возможно, если отталкиваться от того «политического воображаемого», которое индивиды полагают в качестве политики. Нами было показано, что политика в России воспринимается людьми как «место» функционирования власти, принципиально отличное от остального общества (и в значительной мере враждебное ему) [Гражданское... 2013: 520].

Политизация и деполитизация

Конституирование политического пространства сопряжено с формированием протополитического сообщества – совокупности индивидуальных и коллективных акторов, готовых реализовывать свою политическую субъектность, продуцируя правила политической «игры» и действуя в соответствии с ними. Члены протополитического сообщества – ещё не политические акторы в полном смысле слова, они находятся в состоянии становления политической субъектности, осознания своих интересов и освоения способов их реализации. Политизация может рассматриваться как процесс трансформации и конституирования протополитического сообщества, перехода его в сообщество собственно политическое.

На уровне протополитического сообщества политизация имеет два измерения. Первое – это политизация акторов,

непосредственно связанная с формированием политической субъектности: возникновение политической идентичности; позиционирование акторов по отношению к другим акторам/сообществам, а также по отношению к существующим/формирующимся политическим идеологиям; рост активности и увеличение разнообразия ее форм и способов; артикуляция социальных конфликтов. Второе измерение – политизация повестки дня: формулирование альтернативных представлений об общем благе и выработка на их основе стратегий политического и социального развития, а также выявление актуальных проблем и публичное обсуждение способов их решения. Политизация создает горизонтальную структуру политического сообщества: идентификация членов протополитического сообщества с определенными нормативно-ценностными комплексами (например, архаичное vs современное; утопическое vs прагматическое и т.п.) трансформируется в структуру политических идентичностей (которая в рамках политического пространства может оформляться, например, в партийную систему).

На уровне политического пространства политизация представляет собой процесс реализации политической субъектности акторов, осуществления ими выбора из набора альтернативных стратегических проектов и публичного решения наиболее важных для общества вопросов. Здесь в результате политической борьбы в рамках наличной институциональной среды (например, победа или проигрыш на выборах) или в результате трансформации этой среды (создание или упразднение каких-либо организационных структур, должностей) выстраивается вертикальная структура политического сообщества.

Для анализа обратного процесса – утраты политических качеств – используется понятие «деполитизация», которое получило широкое употребление и глубокое развитие в политической науке, особенно в последнее десятилетие. Анализ различных трактовок этого понятия позволяет, во-первых, лучше увидеть некоторые аспекты политизации и, во-вторых, выявить ряд проблем, затрудняющих конституирование политического пространства.

Первая волна исследований деполитизации пришлась на 1960-е гг., для нее характерным было отождествление деполитизации с деидеологизацией. В целом деполитизация определялась как «трансформация политических идеологий в набор более или менее четких административных технологий, основанных на широком консенсусе по поводу того, каких целей следует достигать» [Himmelstrand 1962: 83]. Исследователи отмечали тенденции, характерные для стран Западной Европы и Северной Америки: формирование идеологического консенсуса; ослабление воздействия идеологии на практическую политику; менее активное употребление в политических дебатах открытых отсылок к ценностям и символам идеологий и стремление вместо этого оперировать фактами, техническими или экономическими аргументами [Ibid.: 87]. Примечательно, что уровень политической активности не рассматривался как показатель деполитизации.

Исследователи второй волны, начавшейся в середине 2000-х гг., уже не сводят деполитизацию к деидеологизации, а рассматривают ее как совокупность процессов, затрагивающих функционирование всех институтов представительной демократии, меняющих принципы государственного управления и трансформирующих политическую активность. Стимулом для новых исследований послужили беспрецедентный рост общественного недоверия к демократическим политическим процессам, политическим институтам и политикам, усугубленный экономическим кризисом, а также возникновение новых неконвенциональных форм политической активности.

Истоки деполитизации обнаруживаются в доминировавшей на протяжении последних десятилетий неолиберальной идеологии, фетишизирующей «аполитичное» рыночное пространство. В логике неолиберализма политические отношения «экономизируются», а их субъекту – уже не столько гражданину, сколько *Homo economicus* – вменяется культура консьюмеризма. Неолиберальная идеология переформулирует основы политической жизни Модерна – прежде всего, представительного правления и самой сущности политического представительства – политическое вытесняется экономическим [Brown 2015].

Современные авторы обозначают термином «деполитизация» ряд взаимосвязанных процессов: «технократизацию» политики (делегиrowание принятия решений от выборных органов «экспертам» разного рода); исчезновение политического выбора; снижение политической вовлеченности граждан – на фоне роста негативного отношения ко всему «политическому». Какие из этих аспектов деполитизации оказываются в фокусе исследования, зависит от понимания политики [Beveridge 2017: 590].

Если основное содержание политики сводится к процессу формулирования и реализации политических программ (policy), то деполитизация заключается в создании такой институциональной структуры, в которой исчезает политический характер принятия решений: их подготовка и реализация передаются от избираемых политиков к назначаемым должностным лицам, либо от государственных к квази-публичным органам (комиссиям, экспертным советам и пр.). Деполитизация может быть высокоэффективной стратегией власти, пытающейся снять с себя ответственность за противоречивые решения и представить их «неполитическими», манипулируя общественным дискурсом по поводу того, что является, а что не является «политическим»: перенос ответственности на юристов, экономистов, ученых и прочих «экспертов» «превращает» эти решения в менее «политические» [Wood 2016].

Стратегия деполитизации может рассматриваться и в позитивном ключе – как способ «оградить» процесс управления от воздействия частных интересов политиков и избирателей (эгоистичных и недальновидных), передав полномочия «рациональным», «политически нейтральным» экспертным органам. Такой позиции придерживаются, в частности, неореспубликанцы [Pettit 2004]. Однако их критики справедливо указывают на то, что идея деполитизации как способа повышения эффективности управления основана на двух ложных предположениях: во-первых, что решения, касающиеся жизни общества, можно представить как «неполитические»; во-вторых, что передача полномочий «профессионалам» может устранить общественную дискуссию и снять давление с политиков [Flinders, Wood 2013]. Причем «технократическая» деполитизация снимает

с политиков не только полномочия, но и ответственность, что снижает политическую активность граждан (прежде всего, электоральную – зачем голосовать, если политики ни за что не отвечают?) и усиливает их отчуждение от политики.

Политизация представляет собой «возвращение» политического характера принимаемым государственными органами решениям, т.е. передачу принятия решений в руки выборных должностных лиц, подотчетных избирателям, а также укрепление институтов демократического контроля за реализацией этих решений. Последнее, очевидно, требует повышения политической активности и вовлеченности граждан. Центральной составляющей политизации оказывается определение того, решения какого уровня и в каких сферах следует рассматривать как политические, поскольку «не существует априорных способов провести такое различие и собственно его проведение и есть такое важное решение, которое хорошо подходит для демократической полемики» [Crouch 2016: 71–75].

Если в качестве центрального аспекта политики рассматривается выбор и наличие альтернатив, то деполитизация заключается в снижении возможности граждан обсуждать общественно значимые вопросы и осуществлять по их поводу политический выбор. Вместо «технократической» деполитизации на первый план выходят другие процессы: «социетальная деполитизация» – «выведение» тех или иных вопросов с повестки дня публичной делиберации, осуществляемое СМИ, партикуляристскими группами интересов, корпорациями; «дискурсивная деполитизация» – «речевые акты» как в публичной, так и в частной сфере, благодаря которым определенные вопросы «нормализуются», т.е. утрачивают политический характер [Wood, Flinders 2015: 22].

С этих позиций, политизация – это расширение возможностей делиберации и влияния людей на вопросы, касающиеся ключевых аспектов их социального существования. Та или иная проблема политизируется, когда она осознается людьми как общественная, имеющая значение для коллективного, а не индивидуального или частного благополучия. Политизированная проблема «выходит» в публичную сферу, т.е. оказывается

в фокусе организованной публичной дискуссии, а затем – становится предметом дебатов в законодательных органах, нового правового регулирования, ответственности правительственных департаментов и пр.

Таким образом, политизация представляет собой совокупность процессов, в результате которых возникают возможности актуализации социальных противоречий и реализации политической субъектности в пространстве выбора и целеполагания. Деполитизация, напротив, означает игнорирование противоречий и отрицание идеологий как манифестации этих противоречий, упразднение возможности выбора как на содержательном, так и на процедурном уровне. Процессы деполитизации приводят к тому, что политическое пространство как публичная сфера институционализированного диалога и конфликта, в которой осуществляется принятие стратегических решений, перестает существовать, а политическое сообщество распадается. В итоге деполитизация означает упразднение свободы, которая является условием реализации политической субъектности и осуществления политического выбора, что приводит к разрушению политического и политики.

«Политическое поле» и «зона власти»: основные подходы

Институциональный анализ выявляет совокупность правил, регулирующих и ограничивающих процессы формирования политики, т.е. наличие институциональной среды, определяющей конституирование политики как исторического и социального явления. Социологический анализ показывает отношение граждан к этим правилам, прежде всего, признание их наличия или отсутствия. Какое влияние правила оказывают на когнитивные и поведенческие характеристики акторов?

Данные обследования ОСПИ-2018 показывают существенную дифференциацию между двумя группами респондентов – теми, кто согласен с тем, что «политика имеет «правила игры»» (21%), и теми, кто считает, что «политика – это «игра без правил»» (23%). Относительное большинство респондентов (45%)

Рисунок 1. Понимание политики (институциональный подход)

считает, что «политика — это «игра», правил которой мы не знаем», и в понимании политики скорее сближается с последними, чем с первыми, в силу массовости во многом определяя профиль всей выборки.

Респонденты, обнаруживающие правила в политике, демонстрируют преимущественно нормативное ее понимание (рисунок 1).

Российская политика для них — это сфера принятия важных для общества решений (54%) и определения задач для общества (46%), в то время как для респондентов, считающих, что правил в политике нет или они неизвестны, российская политика — это, прежде всего, сфера, в которой преследуются личные цели (50%). При этом большинство в обеих группах респондентов характеризует российскую политику как сферу, где

«действуют власти» (по 61%). Политика воспринимается как некая ограниченная и закрытая «зона», где власть действует в своих собственных интересах (35% всех респондентов) или в интересах меньшинства населения (27%), ничем не ограничена (42%), ни перед кем не отвечает (32%) и никак не зависит от народа (42%).

Таким образом, в современной России можно выделить относительно небольшую по охвату область нормативного понимания политики (политическое поле, далее «поле»). В представлениях же большинства россиян существует «зона власти» (далее «зона») – принципиально неполитическая и деформализованная. Перечислим основные характеристики «зоны», полученные на основании теоретического анализа и обобщения эмпирических данных.

– 73% респондентов «зоны» полагают, что политика – это «дело немногих». Только 12% считают, что власть в России выражает интересы всех граждан, что ее основные «бенефициары» – высшие государственные чиновники (71%), высшие управленцы частных компаний и корпораций (53%), крупные собственники (51%), высшие военные чины и «силовики» (44%). Универсальные нормы (правопорядок) подменяются здесь ситуативными договоренностями (71% полагают, что политики в России «предпочитают действовать в обход правил»), принятие политических решений – администрированием (65% респондентов считают, что власть принимает решения «по своему разумению»).

– Неполитическое господство осуществляется преимущественно с помощью денег (50%), пропаганды и манипулирования (по 47%), силы (34%) и произвола (25%). Только 12% полагают, что народ в России «выбирает власть и отвечает за ее действия», еще меньше – 6% – что народ контролирует власть.

– Акторы «зоны» не являются политическими, не обладают выраженной идеологией и, по существу, не имеют политической идентичности, замещая ее лояльностью к принципам кликовой организации. Основные принципы, лежащие в основе политики в России, – выгода (71%), сила (43%) и собственность (39%).

– «Зона» принципиально ограничена и блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе доминирования принципа лояльности. Более половины респондентов «зоны» (52%) никак не связаны с политикой, единицы (4%) причисляют себя к активистам. Наиболее частое обоснование неучастия в политике – «это бесполезно, от таких, как я, ничего не зависит» (48%).

У респондентов «поля» присутствует достаточно четкое представление о политике как сфере целеполагания и общественно-важных решений. По их мнению, эти решения принимаются прежде всего президентом (89%), но также выборными политиками (депутатами) и государственными чиновниками. При этом в «поле» заметно чаще отмечают, что решения о целях и задачах развития страны принимают граждане (16% против 2% в «зоне»). Они также более склонны считать, что выполнение программ политиков, поддержанных избирателями, необходимо для эффективного государственного управления (34% против 21%).

Слабость запроса на конкуренцию в «поле» можно объяснить отсутствием условий для нее, в частности, несформированностью правил игры, что усугубляется нехваткой опыта «позитивной истории» политической конкуренции. Можно также предположить, что респонденты «зоны», наблюдая напряженность отношений по разным измерениям, с большим пониманием относятся к конкурентной борьбе в политической деятельности, как они ее воспринимают. Для них политика – сфера, в которой преследуются личные цели и согласуются групповые интересы, причем под последними имеются в виду кликовые интересы, которые в силу множественности более выражены.

Особого внимания заслуживают различия в отношении к власти, включая вопрос ее легитимности. Респонденты «поля» склонны воспринимать власть лояльно и уважительно (в сумме 56%), т.е. по существу признают ее легитимность, сохраняя некоторый общий критический настрой – 24% (вся выборка – 25%). Многие из них (39%) полагают также, что утверждение «Народ поддерживает власть» наиболее точно

характеризует отношения между народом и властью в России. Напротив, респонденты, воспринимающие как зону пространства действия власти, оценивают ее не слишком лояльно (7%) и уважительно (6%), демонстрируя высокий уровень недоверчивости (60%), опасливости и критичности (по 32%), что ставит вопрос о легитимности власти в «зоне». Они решительно поддерживают утверждение «Народ сам по себе, власть сама по себе» (65%). При этом обе группы респондентов (как и вся выборка) выказывают одну и ту же степень безразличия к власти (22–24%).

Подтверждая нормативное представление о выборах, респонденты «поля» гораздо чаще выбирали ответ «Каждый должен участвовать в выборах» (63%), чем респонденты «зоны» (31%) или все опрошенные (40%), и в отличие от последних в разы реже заявляли о бессмысленности голосования, когда «все решают за нас» (6% против 34% в «зоне»), частично соглашаясь с возможностью выбора – участвовать в голосовании или нет, и заменяя «привычку ходить на выборы» убеждением, что это «обязанность гражданина». Частично это можно объяснить большей законопослушностью респондентов «поля» (75% согласны, что в России законы можно и нужно выполнять, против 44% в «зоне») и меньшей критичностью к возможности реализовать право избирать своих представителей в органы власти. В любом случае респонденты «зоны» в большей степени фиксируют обесценивание института выборов, выбирая вариант «Нет смысла голосовать, все решают без нас» – 34%, что на 7 п.п. выше, чем в среднем по выборке (27%).

Респонденты «поля» объясняют неучастие в политике «другими заботами» (47%) и бесполезностью (30%). Эти же мотивы выражены и у респондентов «зоны», у которых третьим по рангу мотивом становится заявление «Я ничего не понимаю в политике» (22%), а четвертым – расхожий тезис «Политика – грязное дело» (18%).

В «поле» в основном доверяют институтам и структурам государственной власти – максимально Президенту России (82%), а также Правительству России (57%), Государственной думе (54%) и государственным службам (49%), несколько

меньше – силовым структурам (45%), судам (33%) и политическим партиям (30%). За исключением доверия к президенту, тоже, впрочем, не максимального (57%), респонденты «зоны» демонстрируют не слишком высокий уровень институционального доверия: Правительству России – 29%, силовым структурам – 25%, еще ниже – к государственным службам (19%), судам (19%), Государственной думе (17%) и еще меньше – к политическим партиям (9%).

Чувствительность «поля» к нарушениям законов государства можно трактовать как большую значимость правовых норм по сравнению с другими, а это признак процесса универсализации. К тому же респонденты «поля» в сравнении с респондентами «зоны» существенно более законопослушны, верят в защиту со стороны закона и в то, что закон ограничивает власть. Напротив, для респондентов «зоны» закон – это скорее инструмент укрепления власти.

Для респондентов «поля» высокая важность закона для сохранения общественного порядка оказывается значимее, чем для обеспечения блага государства и помощи гражданам в решении их проблем, что существенно, поскольку общественный порядок по сути своей – порядок правовой.

Слабая связь закона и справедливости указывает на неверие в закон как инструмент справедливости, что в России вполне соответствует реальности – справедливость занимает одно из последних мест в иерархии основополагающих общественных ценностей (6% по оценке всей выборки, 16% по оценке «идеалистов» «поля» и 3% – «реалистов» «зоны»).

Тем не менее проективный взгляд показывает, что перспективно «зона», как и «поле», признает значение справедливости, которая оказалась в обоих случаях на третьем месте (около 69%) среди наиболее важных для будущего России ценностей – после семьи («зона» – 77%, «поле» 81%) и прав человека (соответственно 70% и 71%).

Обследование ОСПИ-2018 позволяет верифицировать гипотезу относительно формирования (или отсутствия) предпосылок для реализации основных принципов делиберативной модели политики: публичности, инклюзивности, реципрокности,

диалогичности, высокого уровня рационализации, формального и фактического равенства всех участников демократического процесса.

Отвечая, является ли политика «делом немногих» или «делом всех», респонденты в три раза реже выбирали вариант «дело всех» (22%), чем вариант «дело немногих» (66%). Таким образом, участие рядовых граждан в политике актуально для очевидного меньшинства респондентов (при большом количестве воздержавшихся – 11%). Создание условий для участия граждан в политике признали важной задачей менее половины респондентов (48%), а, следовательно, вряд ли можно говорить об инклюзивности политики.

Политика в России не является публичной: если 21% респондентов полагает, что политика имеет «правила игры», а для 23% респондентов политика – «игра без правил», то для 45% – «игра, правил которой мы не знаем». Только 19% опрошенных считают, что российские политики действуют по правилам, тогда как большинство (56%) отмечают, что они действуют «в обход правил». Это означает, что большинство россиян оценивают характер отношений в российской политике как неформальный, непубличный.

О возможности реализации другого принципа делиберативной модели – реципрокности (взаимности) – дают представление ответы на вопрос «Какие принципы лежат в основе политики в России?». В перечне из 15 принципов «уважение к чужому мнению» находится на последнем месте (3%). Когда же речь идет о будущем России, «уважение к чужому мнению» получает 31%, что свидетельствует о потенциальной востребованности данной ценности для россиян.

Что касается диалогичности, то, по данным опроса, лишь около 4% респондентов публично выражали свои взгляды и участвовали в организованных дискуссиях о политике. При этом большинство тех, кто участвовал в дискуссиях (43%), не меняли свою точку зрения под влиянием аргументации оппонента, тогда как изменяли – всего лишь 15%. То есть диалог в понимании российского гражданина в большинстве случаев не предполагает перехода на точку зрения оппонента, что,

очевидно, связано с отсутствием способности слышать оппонента и воспринимать его позицию.

В теории делиберативной демократии речь идет о дискуссиях как процессе сопоставления разумных суждений рефлексизирующих граждан и о диалоге между моральными индивидами (здесь Хабермас идет вслед за Кантом). Дискуссия ведется *равными и свободными* людьми, руководствующимися целями достижения общего блага и способными к эмпатии. Данные опроса дают в этом плане неоднозначные результаты.

Как уже упоминалось, очень незначительное число респондентов публично выражали свои взгляды, участвовали в организованных дискуссиях о политике. Почти половину респондентов (47%) удовлетворяет реализация их права на получение информации, равно как и защищенность права на свободу и личную неприкосновенность. Эти данные, как представляется, свидетельствуют о недостаточно развитом уровне рационализации, а также низкой востребованности ценности свободы, характерных для общества несовременного типа.

Многие опрошенные (78%) отмечают, что в России «есть моральные нормы, которым следует большинство людей», в то же время нарушение норм морали вызывает неприятие, несогласие всего 44% респондентов. То есть абстрактное признание существования моральных норм вовсе не означает, что люди им следуют в реальной жизни.

Вместе с тем, по данным обследования, 42% опрошенных доверяют людям и 38% готовы «объединиться с кем-либо для защиты общих интересов». При этом обнаруживаются существенные различия в ценностях доверия, закона, морали между теми, кто готов или не готов объединиться. Обращает на себя внимание, что у тех, кто готов объединиться, ценность морали значима вдвое меньше (тогда каковы цели такого объединения?), а ценность «уважения к чужому мнению» практически не востребована ни у тех, ни у других. То есть основания для объединения весьма далеки от принципов, лежащих в основе современной (делиберативной) модели политики.

Показателен ответ на вопрос о значении конкуренции и единства в российской политике. Лишь каждый третий

респондент считает, что для России полезна конкуренция между различными политическими силами, тогда как более половины опрошенных (56%) высказались в пользу единства политических сил.

Показательно, что даже те, кто считает политику «делом всех», намного активнее выступают за «единство политических сил»: число сторонников единства среди них более чем в два раза превышает количество приверженцев конкуренции. Это, по-видимому, означает, что они рассматривают политику не как сферу, где разрешаются и институционализируются неизбежно присущие современному обществу конфликты и диалог (что происходит именно через механизмы конкуренции), но как место, где конфликты не разрешаются, а подавляются, и где вместо диалога и поиска консенсуса обществу навязывается «единство», фактически упраздняющее политику.

Представление о пространстве современной, конкурентной, публичной политики, в которой участвуют равные друг другу индивиды и их объединения и где идет диалог, поиск приемлемых для всех граждан решений, остается чуждым для сознания большинства российских граждан. Приходится констатировать, что в российском социуме пока отсутствуют серьезные предпосылки появления политики нового, современного типа, характерной для эпохи модерна, каковой является делиберативная модель политики. В связи с этим можно согласиться с оценкой России как «несовременной страны» [Иноземцев 2018]. Характеризуя российское сознание, В. Иноземцев справедливо отмечает такие важные его черты, как сниженная степень приверженности рационализму и мифологизация сознания, что традиционно способствовало поддержанию контроля государства над обществом [Иноземцев 2018: 32–33].

Эмпирические исследования показывают, что делиберативные институты и практики, как правило, положительно влияют на политическую компетентность участников, доверие к политическим институтам и межличностное доверие, готовность к коллективному действию и в целом – на гражданские добродетели (*civic virtues*) [Gronlund, Setälä, Herne 2010; Andersen, Hansen 2007]. Возможны и негативные эффекты,

Рисунок 2. Понимание политики (делиберативный подход)

когда делиберативный процесс вместо ожидаемых политической вовлеченности, большего доверия и развития способностей к аргументации вызывает враждебность и недоверие [Mansbridge 1983; Mendelberg, Oleske 2000]. Делиберация вряд ли возможна в среде, где отсутствуют различия во мнениях и где индивиды не расположены к восприятию других точек зрения и дискурсов [Mutz 2006].

Этот вывод особенно важен в российском контексте с характерным для него отчуждением граждан от власти и невысоким уровнем межличностного доверия. Однако даже в этом случае практики делиберации могут стать одним из способов конституирования пространства политики, проходя в тех формах, которые достаточно успешно опробованы – делиберативные форумы и опросы общественного мнения, гражданские жюри

и ассамблеи и пр. Особо важный аспект – изменения, происходящие с людьми, участвовавшими в делиберации. Исследования показали, что простые индивиды вполне могут стать компетентными гражданами, если получают для этого инструменты [Fishkin 2003].

Пространство политики в российских условиях может прорасти «снизу», путем взаимодействия рефлексирующих и моральных индивидов, их коммуникации, диалога, использования институциональных форм разрешения конфликтов, выработки общих позиций, соотнесенных с целями для всего общества. Следовательно, необходимы условия для воспитания активного гражданина [Филиппова 2007], обладающего способностями вести дискуссии по общественно значимым темам, обосновывать и менять свои предпочтения в ходе аргументированной дискуссии, находить решения, включая политические, приемлемые для всех, кого они затрагивают.

Делиберативный подход позволяет, основываясь на данных ОСПИ-2018, выделить несколько подгрупп респондентов (рисунок 2).

Одни, назовем их «делиберативистами», – те, кто условно находятся в поле политики (признают правила игры) и склонен к делиберации (т.е. способны менять свою точку зрения в ходе дискуссии под влиянием аргументации оппонента), а другие – те, кто опять-таки условно входят в зону власти и неспособны к делиберации (не признают правил игры и не меняют свою точку зрения). Первые существенно отличаются от вторых: у этой группы выше показатели активности, больше доверия к политическим институтам, выше приверженность ценностям доверия и морали. Различается и понимание политики этими группами. Если у «делиберативистов» на первом плане – принятие важных для общества решений и определение задач для общества, то вторым (гораздо более многочисленным) присуще прежде всего понимание политики как зоны действия власти и преследования личных целей.

Можно, следовательно, отметить, что, несмотря на общий вывод об отсутствии почвы для современной модели политики в России, некоторые предпосылки для ее формирования

(прежде всего на низовом уровне), с точки зрения представлений российских граждан, все-таки просматриваются в данных нашего обследования. Так, например, большая часть респондентов (около 60%) считают, что решения, касающиеся проблем повседневной жизни граждан, должны приниматься «местными органами власти, после обсуждения с гражданами». Более половины опрошенных считают, что для влияния граждан на принятие решений власть должна быть открыта для диалога, а около 40% – что сами граждане должны обладать определенными компетенциями. Наконец, почти половина респондентов (45%) полагают, что «граждане России способны сами организовать для решения важных для них задач». И это внушает определенные надежды с точки зрения потенциальных предпосылок появления в России современной политики.

Попробуем оценить эти надежды, используя исследовательскую оптику неоклассиков-республиканцев. Как возможно (и возможно ли) изменение российской политики в направлении к неоклассическому идеалу политики не-доминирования? В какой степени чувствительны респонденты к её ценностям и, следовательно, могут быть отнесены либо к (потенциальным) агентам конституирования «поля» в версии неоклассиков, либо к «несопротивлениям» социальным отношениям доминирования, т.е. «зоны».

Идея и идеал не-доминирования [Петтит 2016: 180–181] лежат в основе неоклассической модели политического порядка. В республике законов институциональный и моральный порядки сводят к минимуму возможность социальных отношений доминирования, понимаемых как *применение или возможность применения произвольной (неполитической) власти агента вопреки интересам и предпочтениям объекта; власти, которая сужает возможности свободного и информированного выбора гражданина, препятствует его эмансипации.*

Какие формы эмпауэрмента (наделения властью) и агентности (политической активности/самостояния) неоклассики считают наиболее важными для конституирования сферы власти не-доминирования?

Следуя римской традиции республиканизма, неоклассики опасаются тирании большинства и «политики масс» [Экспертное... 2015], поддерживают принцип контрмажоритаризма. Высшей гражданской доблестью считается приверженность законопавию. Неусыпная гражданская бдительность, *контестаторная активность* – готовность и способность гражданина контролировать власть и при необходимости оспаривать её решения – ставятся выше (также почитаемой) добродетели активного участия в жизни политики [Петтит 2016: 151].

Не только власть закона, но и власть общепринятой нормы необходимы для эмансипации от подчиненности произвольной власти. Институционально гарантированная возможность публично влиять на интерпретацию общего блага и осуществлять контроль за его надлежащим преумножением и распределением стимулируют политическое самостояние граждан [Miller D. 2008].

Следуя логике неоклассиков, мы определяем сферу не-доминирования как пространство, модальность и способ власти человека над собой – «власти эффективно действующего агента осуществлять задуманное» [Петтит 2016: 151], власти гражданина иметь не ограниченный произволом выбор альтернативных идей, политических повесток, жизненных стратегий etc.

Предрасположенность респондентов «вписаться» в систему координат неоклассической модели эмансипирующей политики не-доминирования (республиканская версия «поля») или поработавшей политики доминирования (республиканская версия «зоны») мы определяем двумя критериями: отношение к правилам игры мы усиливаем отношением к универсальному формальному правилу, т.е. к закону. В сфере республиканской версии «поля» оказались респонденты, считающие, что политика имеет правила игры (21%) и что законы можно и нужно выполнять (51%). В сфере политики доминирования – респонденты, полагающие, что правил игры в политике нет или они им не известны (69%) и что законы не обязательно выполнять (49%).

Данные обследования показали, что понимание политики респондентами выделенных подгрупп существенно различается по всем позициям, за исключением понимания политики как сферы, где действует власть (рисунок 3).

Рисунок 3. Понимание политики (неореспубликанский подход)

51% респондентов «республиканского» «поля» считают политику сферой, в которой определяются задачи для общества. Этому мнению придерживается только 14% респондентов сферы доминирования при общем значении для выборки 25%. Такое расхождение мнений фиксируется в понимании политики как сферы принятия важных для общества решения. Так считают 62% респондентов «поля» и лишь 20% респондентов сферы отношений доминирования (вся выборка – 32%). Чувствительные к ценностям не-доминирования респонденты не особенно склонны рассматривать политику как сферу, в которой преследуются личные цели (13%) и согласуются групповые интересы (12%), что существенно ниже референтных значений (39 и 21% всех респондентов) и радикально ниже, чем у «несопротивленцев» отношениям доминирования (58 и 31%).

Данные обследования позволяют предположить, что степень уверенности респондентов в защите закона принципиально влияет на их отношение к политике в целом и на оценку выгод и издержек, связанных с противостоянием отношениям доминирования.

Чувство уязвимости, состояние субъективной и/или интер-субъективной зависимости от силы произвола или самой его возможности «затягивает» россиян в «зону» порабоощающих отношений: 64% респондентов в случае конфликта с властью не могут гарантированно рассчитывать на защиту со стороны закона. Менее пятой части ответивших участников опроса (17%) уверены, что власть закона в стране сильнее произвола власти.

Социальные отношения доминирования вынуждают людей прибегать к стратегиям сервитута, лишают их «власти агента над своей судьбой», укорачивают радиус доверия до пределов родственного круга, питают процессы утраты идентичности, разрушают «общий мир» как бытие политического, в котором только и возможно объединение людей в «мы – народ».

«Кодекс» порабоощенности, став предметом общего знания, оказывается и формой доминирующей власти, и способом её экспансии в (прото)политическое поле. 81% респондентов в сфере доминирующих отношений не уверены в защите закона при конфликте с властью. В «республиканском» «поле» этот показатель в два раза ниже и составляет 35%.

Отметим, что степень неприятия нарушения законов государства респондентами «поля» и «зоны» разнится не столь резко – 52 и 43% соответственно – и близка к референтному значению (вся выборка – 49%).

Внутренний локус контроля более выражен у респондентов «республиканского» «поля». К наиболее важным факторам, увеличивающим влияние граждан на решения, которые принимает власть, они отнесли готовность взять на себя ответственность (56%) и компетентность граждан (58%). Это мнение разделяют лишь 31 и 40% респондентов сферы доминирования (вся выборка 32 и 38% соответственно). Показательно, что «несопротивленцы» отношениям доминирования на первое место поставили открытость власти к диалогу (61%), что выше

соответствующего показателя для «поля» (57%) и всей выборки (52%).

Внутренний локус контроля респондентов «республиканского» «поля» в условиях отечественной институциональной среды сыграл, видимо, немалую роль в том, что положительный опыт оспаривания решений власти (25%) у них существенно выше всей выборки (7%) при ожидаемом минимальном показателе 2% в сфере доминирования. Разумеется, очень важный фактор – высокая концентрация активистов (23%, вся выборка – 7%) и наблюдателей (45%, вся выборка – 42%) в «республиканском» поле политики при заметно меньшем числе респондентов, считающих себя никак не связанными с политикой (27%, вся выборка – 46%).

Для определения возможностей движения от российской «зоны» в сторону неоклассической политики не-доминирования представляют интерес данные обследования, которые позволяют предположить, что респонденты «поля» в версии неоклассиков разделяют их контрмэжоритарные убеждения. Именно здесь зафиксирован самый высокий показатель респондентов (19%), считающих маргиналами тех людей, которые участвуют в акциях протеста на политические темы. Это утверждение разделяет 11% «лоялистов» сферы доминирования и 12% всех респондентов. Добавим, что подавляющее число респондентов-«республиканцев» убеждены, что сегодня полезнее для России единство различных политических сил (74%), а не их конкуренция (20%).

Институциональные особенности взаимодействия структур и акторов

Условиями институциональных изменений являются: 1) возникновение проблемных ситуаций у значительного числа индивидов, которые не могут быть решены в рамках существующих институтов и/или 2) формирование автономного воображаемого мира, который предоставляет обществу альтернативную модель института. В первом случае в группе индивидов неизбежно (если проблема достаточно остра) находятся лица

с высокой степенью эмпауэрмента [Айвазова 2018], который позволяет им стать акторами и начать предпринимать действия по изменению институтов. Во втором случае акторы появляются тогда, когда запрос на альтернативные модели института велик, а санкции за их обсуждение и продвижение, напротив, умеренные или отсутствуют. При этом запрос чаще всего порождается недовольством качеством работы действующего института, и первое условие предшествует второму.

Возникновению политического пространства предшествует функционирование протополитики, которая может вести к изменению политических институтов. В современной России наиболее мощным ограничением является «зона», которая поощряет патерналистские настроения граждан и закрепляет восприятие политики как деполитизированной системы успешного администрирования с целью решения «насуточных» проблем.

По результатам опроса ОСПИ-2018 респонденты на основании их самоидентификации относительно участия в политике были разделены на категории: «активисты», «наблюдатели» и «вне-политики». Стоит специально оговориться, что активизм не может считаться некоей оптимально-эталонной стратегией политического поведения, участие вообще и политическое участие должно разграничиваться, последнее не сводится к голосованию на выборах [The civic... 1980]. Как активисты, так и наблюдатели – это акторы, более релевантные пространству политики и его формированию. Соответственно, респонденты «вне политики» «отчуждены» от политических отношений и потому нерелевантны «полю», не способствуют его формированию. Тем не менее «отчуждённые» влияют на остальных акторов, меняя конфигурации общественных связей. В связи с этим важно не столько проявлять интерес к активизму, сколько рассматривать, как разные категории респондентов взаимодействуют со структурой – прежде всего через изучение их отношения к разным нормам.

У активистов (62%) и наблюдателей (50%) нарушение законов государства вызывает неприятие чаще, чем у находящихся «вне политики» (45%). Наблюдатели (50%) и «вне-политики» (42%) заметно чаще активистов (28%) выражают неприятие

нарушением норм морали. Очевидно разное взаимодействие респондентов с нормами: активисты и наблюдатели более внимательно относятся к формальным нормам, а для респондентов «вне политики» они имеют меньшее значение. Другой основополагающий тип норм для политики – мораль, судя по приведенным данным, имеет слабую институционализацию и воспринимается как некий «антипод» праву, «замещающий» его. Таким образом, очевидны серьезные проблемы с дееспособностью обоих типов норм в России – как правовых, так и неправовых. Но активисты и наблюдатели актуализируют право чаще, чем респонденты «вне политики». Это подтверждает тезис о том, что для формирования в России «поля» важна деятельность не только активистов, но и наблюдателей.

В рамках существующего в России политического порядка гражданские объединения нередко приобретают политическое измерение, поскольку они оспаривают право «зоны» на абсолютное доминирование. В тот момент, когда конфликт с властью исчерпан (или, например, приобрел административный характер, то есть активисты согласились перейти к его урегулированию в рамках существующей расстановки сил и перестали оспаривать властные полномочия), объединение утрачивает политическую составляющую. При этом формально политические институты могут иметь политическое измерение или не иметь – в зависимости от их реального содержания. Негативный имидж политики в сознании граждан («грязное дело») приводит к тому, что активисты гражданских объединений, как правило, категорически отрицают свою политическую роль, тогда как власти нередко ставят ее им в вину с целью дискредитировать их в глазах населения.

Функционеры «зон» используют традиционные приемы легитимации существующего политического порядка («гражданская война и хаос как единственная альтернатива», «стабильность как ценность», «страна в кольце врагов» и т.д.) и давно известные способы борьбы с оппонентами: от создания псевдо-политических и псевдо-гражданских структур до ограничения свободы слова и репрессий. В «зоне» по определению невозможна реальная конкуренция политических проектов;

кроме функционеров, обеспечивающих ее работу, в ней действуют только экономические акторы, для которых хорош тот порядок, который позволяет наиболее эффективно извлекать экономическую выгоду. «Зона» реагирует крайне враждебно на любые реальные политические инициативы, но предотвратить дискуссии и гражданскую активность в протополитическом пространстве она не может.

Политические предприниматели из среды оппозиции более изобретательны в способах делегитимации режима, к которым они прибегают. Собственно, креативность, актуальность и привлекательность формы и содержания посылаемых «месседжей» – главные их ресурсы. Одним из наиболее успешных приемов является демонстрация разрыва между декларируемыми властью принципами функционирования системы (правовое и социальное государство) и реальностью (антикоррупционные проекты А. Навального являются одним из примеров). Не имея доступа к наиболее влиятельному из СМИ – телевидению, – политическая оппозиция активно использует интернет и социальные сети. «Зона» реагирует на это усилением контроля за общением в сети и криминализацией этой сферы.

За локальными политическими инициативами и гражданскими объединениями «одного требования» (акторами протополитики) стоят определенные представления об общем благе, что создает предпосылки для реальной политической борьбы. Общими требованиями акторов протополитического пространства являются универсализация действующих норм и создание условий для участия граждан и их объединений в принятии решений – по сути деконструкция «зоны власти». При этом подавляющее большинство не ставит под сомнение базовые конституционные принципы организации общества (разделение властей, верховенство права, представительная демократия и т.д.). Наиболее сложным вопросом для активных граждан является способ перехода к желательному будущему. Одним из главных препятствий для демократических преобразований является политическая культура «неучастия», низкий уровень доверия к политическим институтам и отсутствие у российских граждан навыков согласования

интересов и преобладание авторитарных подходов во внутригрупповом взаимодействии.

Вопрос о причинах и механизмах обретения гражданином эмпауэрмента – уверенности в праве иметь свое мнение, отстаивать свои права и интересы, ощущения «силы» (наличия возможностей) – один из самых сложных. Очевидно, что на этот процесс оказывают влияние и личностные характеристики индивида, например, самооценка, но это предмет изучения скорее социальной психологии. Исследования социальных движений говорят о том, что существенное влияние на эмпауэрмент оказывают образованность и статус (например, престиж профессии, идентичность с общественно значимыми ролями – «многодетная мать»), ресурсы, которые находятся в распоряжении индивида (в том числе, социальный капитал, компетентность в сфере публичной активности), опыт участия в решении социально значимых проблем (компетентность формируется в основном в процессе деятельности), острота возникшей проблемы или привлекательность автономного воображаемого мира. Определенную роль играет потребность людей в вере в возможность изменений, потребность в личном участии в значимых событиях и самореализации как утверждения своей личности в мире, которые носят экзистенциальный характер. Именно внерациональное измерение эмпауэрмента порождает политическое действие граждан при неблагоприятном политическом контексте, когда издержки такого поведения могут быть крайне велики. Репрессии в одних случаях уничтожают социальные и политические движения, в других – приводят к их росту, благодаря мобилизации сочувствующих в ряды активных участников.

Каковы в целом перспективы превращения эмпауэрмента в признак российской «поля»? Вновь обратимся к данным опроса ОСПИ-2018. Начнем с весьма показательного вопроса о том, от чего в большей мере зависит благополучие человека – от справедливого устройства общества или от него самого. 56% респондентов выбрали ответ – от справедливого устройства общества (53% мужчин и 59% женщин). Вторую точку зрения в целом поддержали почти 40% респондентов (43% мужчин и 37% женщин).

Низкий уровень социального капитала в России во многом предопределяет высшую значимость семьи в системе ценностей россиян. Почти половина респондентов (48%) считают семью одной из господствующих ценностей в российском обществе. Более того, трое из четырех (76%) видят в семье ценность, наиболее важную для будущего России. Отметим, что речь идет о семье, которая, даже при первом взгляде на нее отнюдь не выглядит нормативно устоявшимся институтом. Судя по опросу, при принятии решений в семье равноправие соблюдает 51% респондентов; остальные 24% отдают предпочтение мужчине и 17% – женщине. Эволюция подходов к равноправию в семье не внушает оптимизма, по крайней мере, на данный момент. В 2002 г. на сходный вопрос авторского коллектива 77% респондентов ответили «в современной семье все важные решения следует принимать сообща», и только 8% полагали, что в семье должен быть «единоличный хозяин» [Институциональная... 2006: 467].

Говоря о «политике», 66% респондентов ответили, что она «дело немногих», а 22% – «дело всех». В числе тех, кто ориентируется на элитистское видение политики – 64% мужчин и 68% женщин. Среди тех, кому близка идея эмпауэрмента, 25% мужчин и 19% женщин. Выявлению представлений мужчин и женщин о своей роли в «поле» был посвящен вопрос о том, связаны ли они с политикой и к какой категории игроков они себя относят – к наблюдателям или активистам. Вариант «Я никак не связан с политикой» выбрали чуть более 46% респондентов, в том числе 46% мужчин и 47% женщин. К «наблюдателям» себя отнесли 42% респондентов, в их числе 41% мужчин и 43% женщин; к «активистам» – 7% респондентов, в их числе 9% мужчин и 6% женщин. Некоторая разница в позициях заметна только в последнем варианте ответов, означающая чуть большую склонность мужчин к политическому активизму.

Для обозначения перспективы утверждения эмпауэрмента в российской политике весьма показательно, что почти половина респондентов высказалась в пользу того, что наши граждане «сами способны организовать для решения важных для них

проблем», а не ждать, пока их организуют «сверху». Первый вариант ответа выбрали в целом 45% респондентов, в том числе – 49% мужчин и 42% женщин.

Эту возможность по-своему, хоть и косвенно, обозначает высокая готовность женщин поддержать тех, кто сегодня выступает с протестными акциями либо по конкретным, местным проблемам, либо по проблемам общей политики. Так, отвечая на вопрос: «Как бы вы выразили свое отношение к людям, которые выходят протестовать по местным проблемам (застройка города, свалки, плохое здравоохранение и т.д.)?», 64% респондентов, а среди них 62% мужчин и 67% женщин, выбрали ответ: «Они хотят сделать жизнь в своем городе лучше». Альтернативный ответ: «Их кто-то использует в своих интересах» показался убедительным для 23% респондентов, включая 25% мужчин и 23% женщин. Ответы на вопрос: «Как бы Вы выразили свое отношение к людям, которые участвуют в акциях протеста на политические темы (или «акциях оппозиции»)»? – предполагали выбор из нескольких вариантов, самыми убедительными из которых респондентам представились два следующих: «Они хотят сделать жизнь в стране лучше» и «Их кто-то использует в своих интересах». Первый вариант предпочли в целом 49% респондентов – 45% мужчин и 53% женщин (значимый разрыв в 8 п.п.). Второй – около 35% респондентов – 36% мужчин и 34% женщин (среди недоверчивых гендерный разрыв менее существенен).

Вместе с тем, отвечая на вопрос: «Что необходимо, по Вашему мнению, чтобы граждане могли больше влиять на решения, которые принимает власть?», 32% респондентов указали «Готовность граждан взять на себя ответственность» – 35% мужчин и 30% женщин.

В случае реальных политических практик, в которых могли участвовать наши респонденты, они ответили, что в течение последних 12-ти месяцев 46% респондентов не участвовали ни в каких событиях и акциях, которые можно отнести к политическим. В их числе – 45% мужчин и 47% женщин. О том факте, что они были наблюдателями на выборах, заявили 9% респондентов – 7% мужчин и 10% женщин. О своем участии

в митингах и политических выступлениях сообщили 2% респондентов.

Значимым фактором взаимодействия россиян – мужчин и женщин – с государством остается их общее «не-самостояние», неготовность к смене ролей в этом взаимодействии – от патернализма к эмпауэрменту. Хотя время от времени практики субъективации, повышения критического сознания, как некие знаки зарождения эмпауэрмента, дают о себе знать в нынешней российской социальности.

Вместо заключения. Типология политики и формирование политического пространства

Политика современного типа как исключаящая принуждение в виде насилия, конкуренция ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан в сегодняшней России не конституировалась. Существуют «политикоподобные» явления «квазиполитики» – недо-, до- и антиполитика. По своей сути формы квазиполитики различаются: при случаях недополитики можно говорить о процессе формирования политики, а в случаях антиполитики имеет место стремление уничтожить её основополагающие принципы. Если у политики как явления обнаруживаются четыре сущностных признака – институционализированность, конкуренция проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан, ориентация на общее благо, легитимный характер принуждения, то у явлений квазиполитики наличествуют в разных сочетаниях лишь некоторые из признаков.

То или иное явление приводит к складыванию определенной институциональной конфигурации (среды или системы): дополитика соответствует «зоне власти»; при недополитике *поле политики* лишь формируется, антиполитика существует в «зоне насилия». Политика возникает из практик недополитики. Все эти институциональные конфигурации становятся предпосылками и условиями для производства и воспроизводства акторами политических и квазиполитических явлений.

В российском случае сформированной структуры не наблюдается – нет устойчивых общепринятых интерпретационных схем властных и политических явлений: акторы понимают их по-разному и, главное, неполитически. В законодательстве много пробелов, возможности граждан прописаны недостаточно, нормативно-правовые акты не предоставляют гражданам необходимого эмпайэрмента, но, напротив, предусматривают процедуры ограничения и механизмы исключения. Серьезные диспропорции в распределении жизненных благ (ресурсов) также препятствуют формированию политической структуры. Все это приводит к появлению структур зоны власти или зоны насилия.

Формирование политического пространства там, где его нет, может происходить исключительно посредством морфогенеза. Пользуясь теорией «системной и социальной интеграции» (Д. Локвуд) [Lockwood D. 1976], М. Арчер считает, что характер структур (на системном и социальном уровнях), которые могут быть сформированы взамен уже существующих, зависит от того, какими свойствами обладала структура на этих уровнях до трансформации. Иными словами, в условиях дополитики и зоны власти пространство политики может сформироваться лишь в случае, когда агенты будут формировать структуры с политическим содержанием (это этап недополитики), после чего новая структура может закрепиться и оказывать на агентов обратное влияние (на этом этапе возникнет политика).

Одним из следствий политической некомпетентности большинства россиян (ценностно детерминированной некомпетентности), а также, в особенности, склонности к отождествлению «партии власти» с государственной властью, является страх перед политическими переменами, и это еще один фактор, препятствующий формированию такого массового «зрителя», без которого конституирование политического поля невозможно. Предполагая институционализированный конфликт независимых политических акторов, концепт политического пространства тем самым априори допускает и институционализированную сменяемость власти, которая регламентируется общепризнанными «правилами игры». Между тем в российском

массовом сознании перспектива смены власти ассоциируется с потрясениями и полным разрывом преемственности.

Эта «идеологическая глухота» большинства (видимо, подавляющего) российских граждан проявляется, в частности, в том, что многочисленные попытки исследователей сегментировать россиян по идейно-политическим ориентациям редко оказываются хотя бы в какой-то мере успешными.

«Идеологическая глухота» гармонично дополняется у «человека с улицы» вопиющей некомпетентностью в вопросах устройства власти, избирательного законодательства и т.д. Информация о «правилах игры» не просто плохо усваивается, но нередко активно отторгается, поскольку сами эти правила, правовые нормы, характеризующие институциональный дизайн государства, во многом воспринимаются как контрпродуктивные ограничения, препятствующие реализации истинного предназначения властного моносубъекта, или даже как совокупность уловок, основное предназначение которых состоит в том, чтобы оправдать его уклонение от исполнения своих «отеческих» функций.

Обобщая риски трансформации российского дополитического устройства в «зону насилия», подчеркнем, что она возможна лишь при применении насилия «сверху», чему в настоящее время препятствует очевидная вероятность рисков для самой власти, прежде всего, репутационных и ресурсных. Возможности антиполитики в России ограничены также неготовностью акторов дополитического устройства осуществлять реальное насилие, учитывая их склонность к бездействию.

Необходимо дальнейшее исследование политического пространства как нормативной конструкции, типа институционального порядка и институциональной логики, который мог бы быть последовательно воплощен в реальной системе практик и представлений.

Список литературы

- Айвазова С. Г. 2018. Эмпауэрмент // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация / Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, С. В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия. С. 445–463.
- Арендт Х. 2000. *Vita activa*, или о деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Биbihина. СПб.: Алетейя. 437 с.
- Бурдые П. 2005. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 576 с.
- Гидденс Э. 2005. Устройство общества: Очерк теории структуризации: 2-е изд. М.: Академический проект. 528 с.
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках. 2013. / Под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН. 524 с.
- Гришин Н. В. 2001. Политическое пространство как объект теоретических и прикладных политических исследований. Дисс. ... к. полит. н. Волгоград. 144 с.
- Иноземцев В. 2018. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Диджитал. 420 с.
- Институциональная политология. 2006. Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН. 586 с.
- Качанов Ю. Л. 2004. Пространство-время социального мира в постструктуралистской перспективе // Личность. Культура. Общество. Т. 6. Вып. 1. С. 33–46.
- Муфф Ш. 2004. К агонистической модели демократии // Логос: Философско-литературный журнал. М.: Изд-во Института Гайдара, № 2 (42). С. 80–197.
- Панов П. В. 2011. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 230 с.
- Патрушев С. В. 2011. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология. № 4. С. 142–148.
- Петтит Ф. 2016. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара. 488 с.

- Пушкарева В. Г. 2012. Политическое пространство: Проблемы теоретической концептуализации // Полис. № 2. С. 166–177.
- Рансьер Ж. 2006. Десять тезисов о политике // Рансьер Ж. На краю политического. М.: Праксис. 238 с.
- Филиппов А. Ф. 2005. Пространство политических событий // Полис. № 2. С. 6–25.
- Филиппова Л. Е. 2007. Эффективность гражданского воспитания: проблема критериев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 1. С. 180–182.
- Фуко М. 1996. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум: ИД «Касталь». С. 49–96.
- Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 664 с.
- Экспертное обсуждение результатов исследования «Институциональные проблемы массовой политики: методологические и теоретические аспекты» / Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Акимкин Е. М., Бараш Р. Э., Баскакова Ю. М., Кертман Г. Л., Кокарев К. П., Коргунюк Ю. Г., Кучинов А. М., Марченя П. П., Мирясова О. А., Павлова Т. В., Рябова Т. Б., Соловьев А. И., Филиппова Л. Е., Ширяева Д. Д., Шишкина А. Р. Ред.: С. В. Патрушев. М.: ИС РАН, 2015. 63 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3631> (дата обращения: 05.03.2019).
- Andersen V., Hansen K. 2007. How deliberation makes better citizens: the Danish Deliberative Poll on the euro // European journal of political research. Vol. 46. Is. 4. P. 531–556.
- Archer M. S. 1995. Realist social theory: The morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 354 p.
- Archer M. S. 2004. Culture and agency: the place of culture in social theory: revisited edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 351 p.
- Beveridge R. 2017. The (ontological) politics in depoliticisation debates: Three lenses on the decline of the political // Political studies review. Vol. 15 (4). P. 589–600.
- Brown W. 2015. Undoing the demos: Neoliberalism's stealth revolution. N. Y.: Zone books. 296 p.

- Burns T. R., Flam H.* 1987. The shaping of social organization: Social rule system theory with applications. L.: SAGE. 432 p.
- Crouch C.* 2016. The march towards post-democracy, ten years on // The political quarterly. Vol. 87. Issue 1. P. 71–75. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.12210/full> (дата обращения: 05.03.2019).
- Fishkin J.* 2003. Consulting the public through deliberative polling // Journal of Policy Analysis and Management. Vol. 22. № 1. P. 128–133.
- Flinders M., Wood M.* 2013. When politics fails: Hyper-democracy and hyper-depoliticization // Policy & politics conference «Transforming policy and politics: The future of the state», Bristol, 7/18 September. URL: https://mafiadoc.com/when-politics-fails-hyper-democracy-and-hyper-_5a1ede241723ddd-0f422374a.html (дата обращения: 05.03.2019).
- Genus A.* 2014. Governing sustainability: A discourse-institutional approach // Sustainability. № 6. P. 283–305. DOI: <http://dx.doi.org/10.3390/su6010283>
- Gronlund K., Setälä M. and Herne K.* 2010. Deliberation and civic virtue: lessons from a citizen deliberation experiment // European Political Science Review. Vol. 2. Is. 1. P. 95–117.
- Haveman H. A., Gualtieri G.* 2017. Institutional logics. Online Publication Date: Sep. DOI: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.137 URL: <http://business.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190224851.001.0001/acrefore-9780190224851-e-137> (дата обращения: 05.03.2019).
- Himmelstrand U.* 1962. A Theoretical and empirical approach to depoliticization and political involvement // Acta Sociologica. Vol. 6. № 1/2: Approaches to the study of political participation. P. 83–110.
- Lockwood D.* 1976. Social integration and system integration // Social change: explorations, diagnoses, and conjectures / ed. by. G. K. Zollchan, W. Hirsch. N. Y.: John Wiley & Sons. P. 370–383.
- Mansbridge J.* 1983. Beyond adversary democracy. Chicago: Univ. of Chicago Press. 412 p.
- Mendelberg T., Oleske J.* 2000. Race and public deliberation // Political Communication. Vol. 17. P. 169–191.

- Miller D.* 2008. Republicanism, National Identity and Europe // Republicanism and political theory / C. Laborde, J. Maynor (eds.). Oxford: Blackwell. P. 133–159.
- Mouzelis N.* 2008. Modern and postmodern social theorizing: Bridging the divide. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 311 p.
- Mutz D.* 2006. Hearing the other side. Deliberative versus participatory democracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 171 p.
- Ostrom E.* 2005. Understanding institutional diversity. Princeton: Princeton Univ. Press. 355 p.
- Pettit Ph.* 2004. Depoliticizing democracy // Ratio Juris. Vol. 17. № 1. P. 52–65. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/a631/d0dba95b9b3a3841f858cef38f8827c768e1.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).
- Pettit Ph.* 2017. A political realism meets civic republicanism // Critical review of international social and political philosophy. V. 20. Is. 3. P. 331–347.
- Phillips N., Lawrence Th. B., Hardy C.* 2004. Discourse and institutions // Academy of Management review. Vol. 29. № 4. P. 635–652.
- Regime: Uncovering the fundamental order of radically different societies. URL: <http://regimetheory.eu/#linkTheTheory> (дата обращения: 05.03.2019).
- Republicanism and political theory. 2008 / C. Laborde, J. Maynor (eds.). Oxford: Blackwell. 280 p.
- The civic culture revisited: analytical study, 1980 / gen. ed. G. A. Almond, S. Verba; contributors, A. I. Abramowitz [*et al.*] Boston, Toronto: Little, Brown and Company. 421 p.
- Wood M.* 2016. Politicisation, depoliticisation and anti-politics: Towards a multilevel research agenda // Political studies review. Oxford; Malden, Mass. Vol. 14 (4). P. 521–533.
- Wood M., Flinders M.* 2015. Rethinking depoliticization: Beyond the governmental // Tracing the political: Depoliticisation, governance and the state / ed. by M. Flinders. M. Wood. Bristol: Policy Press. P. 21–45.